

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Если вам скажут, что врать нельзя, — не верьте. Врать можно. А еще можно хитрить, ловчить, водить за нос. Вопрос в том, ради чего вы это все затеяли.

Глава первая ОТЪЕЗД

— Ты, пожалуйста, не экономь на еде. Обедай. И ужинай. Не просто булочку с кефиром. Ешь нормально. Салат. Что-то горячее. И не терпи до ночи. В семь часов ужин. Мама, ты меня слушаешь? — сурово спросила Ася, глядя на мать.

Дина спохватилась и сделала внимательное лицо. Ася была строгой дочерью. Она сама жила по расписанию и требовала этого же и от других. В частности, от родной матери.

Дина предпочла бы сама добраться до вокзала. Ведь путь был близким. Сначала автобус, потом немного пешком. И вот она уже у Ленинградского вокзала. Она бы купила воды, газету или журнал, жевательную резинку и очень вредную и, честно сказать, невкусную шоколадку. Поглазела бы на витрины, понаблюдала бы за пассажирами. Может быть, купила бы себе платок или шарф. Чтобы в обновке сесть в поезд. Шарф, шоколадка, вода и журнал стоили бы дорого, как и все, что продается на вокзалах и в аэропортах. Но путешествие есть путешествие. Даже если путешествие строго деловое. В конце концов, можно не задумываться об одних мелочах и получать удовольствие от других. На-

пример, очень хотелось пройтись пешком по осенней улице, пружинить на маленьких удобных каблучках, везти новый чемоданчик и прислушиваться к дробному стуку его колесиков. В этом коротком пути до вокзала уже было предвкушение перемен. Но все случилось иначе. Дочь Ася заехала за ней на своем бордовом «пыжике», придирчиво осмотрела вещи, уложенные в чемодан, и самолично добавила туда теплый свитер.

— Осень в Питере может оказаться зимой. Я вообще не понимаю, почему ты так долго откладывала эту поездку. Могла еще в августе съездить. В августе везде тепло, — сказала она и добавила еще туда шерстяные носки.

Дина ничего не ответила, поскольку предпочитала не вступать в полемику с дочерью. К тому же ей была приятна такая забота. А вот спорить с Асей не представлялось возможным.

Затем Ася сварила кофе, добавила в материнскую чашку молока и сделала бутерброды.

— Знаешь, в поезде кормят, но это будет еще часа через два. С твоим низким давлением не стоит выходить на голодный желудок.

И тут Дина согласилась — отчего бы не поесть перед дорогой? Затем они спустились вниз, Ася погрузила чемодан в машину и, сев на водительское место, произнесла:

— Я, конечно, не могу возражать против этой поездки. Хоть многое мне кажется странным...

— Ну почему же странным? — пожала плечами Дина. — Кроме нас, никаких других родственников у этой Клары не было... Поэтому...

— Мама, а скажи, странности с именами — это у нас в роду? — перебила ее дочь.

— Какие странности? — оторопела Дина.

— Ну, как... Ты — Дина, я — Ася, дальняя родственница — Клара.

— Действительно, — рассмеялась Дина, — ни одной Иры или Оли.

— Кати или Тани, — подхватила Ася.

— Ну, мое имя — старое, семейное. От прабабушки твоей, моей бабушки, маминой мамы...

— А почему меня Асей назвали?

— Я перед родами Тургенева читала. Там героиня у него есть — Ася. И потом, хорошее имя. Короткое, лаконичное.

— Помню я эту Асю, читала про нее. Мне она не нравилась, — пробурчала дочь.

Дина увидела, как что-то очень детское и упрямое проступило на ее лице. «Двадцать два года — это не так много, как кажется», — подумала Дина. Она дотронулась до плеча дочери:

— Асечка, пожалуйста, ты тоже себя береги. И машину аккуратно води, и вообще...

— «Вообще» я тебе точно обещаю, — покосилась на мать Ася.

На вокзале, несмотря на ранний час, была сутолока. Дина попыталась отправить дочь домой — до работы было еще время и она могла поспать час-другой.

— Ты ко мне домой поезжай, поспи немного. У тебя целый рабочий день впереди. И совсем не стоило меня провожать, сама добралась бы... — засуетилась Дина.

— Мама! — нахмурила брови дочь. — Давай теперь поговорим о нотариусе. Ты же сначала все внимательно выслушай, посмотри документы. Потом по-

звони мне и отправь копии. И ничего не обещай. Я все проверю и перезвоню. Пусть ждут, законы здесь на нашей стороне.

— Я все понимаю, — пообещала Дина. — Ты не волнуйся. Между прочим, твоя мать не выжила из ума, она прекрасный работник, обеспечивает себя сама и вырастила такую замечательную дочь.

Видимо, какая-то незнакомая нотка проскользнула в голосе Дины, потому что Ася обняла ее:

— Господи, да сильнее и умнее тебя никого на свете нет. И я это серьезно. Но я же волнуюсь за тебя.

— А я за тебя.

— Поэтому мы с тобой вдвоем — настоящая семья.

Дина который раз похвалила себя за то, что никогда не морочила дочери голову и в свое время на вопрос: «Где мой папа?» — ответила честно. «Твой папа с нами не живет. Он решил, что ему надо жить отдельно», — сказала она. «Он что, даже приходить к нам не будет? Я хочу посмотреть на него», — спросила дочь. «Он не будет к нам приходить! — спокойно, но твердо произнесла Дина и добавила: — Вырастешь — и сама его навестишь. Если захочешь».

Ася выросла. Отца навестила и потом сказала матери:

— Интересно, почему так называемые свободные люди выглядят ущербно.

Дину передернуло. Она поняла, о чем идет речь, но особенно расспрашивать не стала. Все ждала момента, когда Ася сама поделится впечатлением. Этот момент наступил очень скоро.

— Мама, я не буду больше с папой встречаться. Понимаешь, это как-то ненатурально. С одной стороны, он таким виноватым себя чувствует, что мне

неудобно. Я его не видела всю свою жизнь и не считаю, что он мне чем-то обязан. А с другой стороны, у него обида на тебя. Что там у вас было — не хочу знать. Но я увидела, с каким облегчением он прощался со мной. Ему много лет, он нездоров, но моя помощь ему не нужна. Мне не нужна его. А так получается, что больше резонов-то и нет.

— Как ты решила, так и будет, — спокойно согласилась Дина, и вопрос был навсегда закрыт.

Сейчас, на вокзале, ощутив прилив нежности, Дина обняла дочь и, чтобы скрыть свое волнение и не показаться смешной, произнесла:

— Представляешь, мы с тобой получили наследство! В это даже поверить сложно. Мы — и просто так получили. Такого просто не бывает! Мы же должны заработать себе блага жизни! В поте лица своего.

— Ох, мам! — воскликнула Ася. — Вот кто-кто, а ты это заслужила. Но, даже если это какая-то ошибка или недоразумение, не переживай. Я скоро буду двумя секторами руководить. Это и денег больше, и перспективы...

Дина не успела ответить — объявили посадку, и они заспешили к вагону.

Серо-белая гусеница «Сапсана» вытянулась на весь перрон. У дверей пассажиров встречали милые девушки в форменных костюмах.

— Тебе сюда, вагон номер четыре! Твой, можно сказать, любимый! — пошутила Ася и потянула мать за руку.

У Дины радостно забилось сердце — как давно она никуда не уезжала, как давно она не была в Питере и как давно в ее жизни не случалось чудес. Сейчас же,

стоило ей сделать лишь один шаг, покинуть перрон, войти в этот белоснежный вагон, как жизнь тут же преобразится.

Ася никуда не ушла, пока не тронулся поезд. Дина, заняв свое место, махала ей рукой, улыбалась и что-то пыталась сказать. Ей казалось, что она уезжает не на три дня, а на целую вечность. Ее дочь, посадив мать в поезд, вдруг потеряла всю свою серьезность и суровость — теперь ее лицо смягчилось и стало немного растерянным. Дина, увидев это, расстроилась. «Господи, да у нее никого и нет, кроме меня!» — подумала она, но тут же одернула себя. В жизни их маленькой семьи было все замечательно — и мама, и дочка уверенно стояли на ногах, имели работу, жилье, рядом с ними всегда были друзья. «А что еще надо?!» — спросила сама себя Дина, когда уже поезд выполз из-под перронного навеса и медленно пробирался мимо запасных путей и пакгаузов.

Да, а что еще хотела бы иметь в жизни Дина Васнецова, приятная женщина сорока пяти лет, с длинными рыжими волосами, заплетенными в косу? Эта странная для ее возраста прическа не несла никаких особых мессенджей, как принято теперь говорить, а просто была выбрана в силу удобства и быстроты изготовления. Дина Васнецова в своей жизни все делала сама — ставила задачи, определяла цели, принимала решения. Она сама расплачивалась за свои ошибки, не тратя времени на поиски виноватых. И теперь, к сорока пяти годам, могла сказать, что ее жизнь удалась — хорошая профессия, взрослая дочь, какое-никакое материальное благополучие и уверенность в завтрашнем дне. Конечно, глобальные катаклизмы се-

мья Васнецовых не пережила бы, но устоять на ногах в экономический шторм Дина и Ася смогли бы.

...Образование Дина получила медицинское, окончив стоматологический институт. Сразу после школы она поступить не смогла, хотя готовилась тщательно и аттестат имела приличный. Целый год Дина проработала в медицинском центре администратором. Со своими нехитрыми обязанностями она справлялась легко и, оглядевшись вокруг, поняла, что с выбором профессии не ошиблась. Ей нравилось каждый день работать с девяти до шести и находиться среди людей в белых халатах. В профессии врача все было реальностью: вот недомогание, вот помощь — и вот облегчение. Несмотря на то что была Дина натурой весьма романтической, у нее вызывали уважение конкретные дела и, как их логическое завершение, реальный осязаемый результат. Поэтому, ожидая следующего года, Дина так и проработала администратором в регистратуре медицинского центра. И даже изредка ассистировала в кабинете первичного приема. Дина боялась потерять работу — ее пожилые родители зарабатывали очень мало, скоро стали пенсионерами, а времена нарождающегося капитализма были суровые. Поэтому юная Васнецова на месте не сидела. Она бесконечно училась, овладевала навыками: физиотерапия, инъекции внутривенные, инъекции внутримышечные, курсы массажа и прочее. Весь год без усталости посещала тренинги и разного рода обучающие семинары. Она сдавала экзамены, получала дипломы — и уже через год стала полноценным членом медицинского коллектива.

— Дина, вы размениваетесь. Не отклоняйтесь от курса. С вашим характером из вас получится отлич-

ный хирург-стоматолог, — не раз говорил ей Арсен Вагитович, ведущий специалист центра.

Дина Васнецова кивала, соглашаясь, но для себя понимала: она не разменивается и не отклоняется, она таким образом выживает. Если можно чему-то научиться — надо учиться. Что пригодится — неизвестно, как жизнь повернется — тем более. Через год Дина поступила в стоматологический институт. Поступила, прекрасно сдав экзамены и имея опыт работы в медицине. А конкуренция при поступлении была огромна. Абитуриенты — мальчики и девочки на дорогих машинах — были совершенно спокойны за свою студенческую судьбу. Дина относилась к такого рода явлениям спокойно — она понимала, что всегда рядом окажется кто-то, кому жить будет легче и приятнее. Значит, она, Дина, должна лишь увеличить темп и прибавить скорость продвижения по жизненному пути.

С дипломом она вернулась в свой медицинский центр и сразу получила практику. Нельзя сказать, что все шло гладко, но Дина умела ладить с людьми и жить в коллективе. Она не была завистливой и склочной. К тому же, если человека не понимала, это не мешало ей принять его точку зрения. То есть врагов себе она не наживала, а вот людей, готовых ее поддержать, рядом с ней становилось все больше и больше.

Женщина хирург-стоматолог — явление не очень частое даже в эпоху прогрессирующего феминизма. Однако профессиональный выбор Дины вызвал некоторое замешательство в кругу ее родных и знакомых.

Родители удивлялись молча. Ведь с самого детства их дочь была особой романтической и мечтательной:

она много читала, слушала музыку. Мама и папа не догадывались, что эти увлечения были поверхностными. Дина любила то, что модно, что на слуху и всеми признано. Более сложные произведения у нее не хватало терпения прочитать, прослушать и самостоятельно оценить. В живописи Дина разбиралась лучше, но и тут сторонилась всего грубого, некрасивого и вызывающе непонятного. Изящные английские акварели, картины импрессионистов, хорошо выписанные книжные иллюстрации — все это она очень любила и могла рассматривать часами. И в юные годы, и сейчас по музеям Дина ходила всегда одна — ей некомфортно было в толпе, а подруга Катя Пчелкина не являлась ценительницей живописи.

Пчелкина до сих пор посещала «Дисотеку восьмидесятых» и концерты «Автордио», где активно зажигала.

— Понимаешь, мне некогда было танцевать, когда мы с тобой молодыми были, — объясняла она свое пристрастие Дине, — я деньги зарабатывала и семью содержала. Да и обстановочка тогда была та еще! А теперь — красота! И приятно молодость вспомнить, и отличная возможность размяться. Опять же, познакомиться можно со сверстниками.

Однажды Пчелкиной удалось затащить Дину на такой концерт. Стояли они в танцевальной зоне, вокруг народ орал, плясал и прыгал. На сцене под фонограмму пели постаревшие звезды.

— Глупая, здесь главное не слова, а танец, движение, драйв! — рассмеялась Пчелкина, видя, как поморщилась Дина, сразу определившая, что поют под фонограмму. — Так что давай, включайся, у нас тут уже свой круг образовался!

Действительно, люди вокруг радостно выплясывали, улыбаясь друг другу. С Диной попытался познакомиться полноватый мужик с татуировкой на запястье. Дина отделалась неловкими улыбками. Шум вокруг стоял изрядный, а потому и разговор можно было не поддерживать.

— Зря ты так, нормальный мужик, — заметила по этому поводу Пчелкина.

Дина благоразумно промолчала — по ее мнению, знакомиться в таких местах было глупо.

И больше на подобные мероприятия не ходила. Не прерывая, впрочем, дружбы с Катей Пчелкиной.

...Итак, Дина наконец получила место хирурга-стоматолога. Тот самый Арсен Вагитович взял над ней шефство, и, если к нему попадал человек, чей зуб спасти не представлялось возможным, Арсен Вагитович направлял его к Васнецовой.

— Не женщина — фея, — обязательно говорил при этом врач, — а удаляет так, как будто щекочет вас за ушком.

Пациенты впадали в столбняк, увидев худенькую рыжую женщину, и начинали сомневаться. Но Дина вела себя спокойно и властно. В своем кабинете она была богом. Эта ее манера подавляла волю пациента и блокировала желание сопротивляться. К тому же обнаружить свой страх перед такой приятной особой многие просто не решались.

Окружение Дины удивлялось — тяжелая, «кровавая» работа никак не сочеталась с образом немногорукой рассеянной, немного легкомысленной модницы, коей всегда была Васнецова.

Лучшая подруга Пчелкина по этому поводу ехидничала:

— Тебя вообще к хирургии подпускать нельзя. Ты во рту у пациента клещи забудешь! Вот влюбишься очередной раз, будешь витать в облаках — и забудешь.

Дина в таких случаях краснела и отмахивалась. Но Пчелкина знала, о чем говорила. Ко всему прочему Дина Васнецова была натурой удивительно влюбчивой. Состояние влюбленности было органично и естественно для нее, как для некоторых естественны ложь или зазнайство. Где бы Дина ни появлялась, она сразу же выбирала себе объект и немедленно в него влюблялась. А затем вступал в силу один и тот же сценарий. Дина пожирала глазами ничего не подозревающую жертву. Воображала знакомство с этим мужчиной, их встречи, объяснения. В своих мечтах она доходила до такой фантастической реализации, что, когда вдруг обнаруживалось, что объект не свободен, Васнецова начинала страдать. Грубая и материалистически мыслящая Катя Пчелкина утешала ее одними и теми же словами:

— Понимаешь, человек даже не догадывается, что он тебе нравится! Ты же ни намеком, ни словом не даешь ему это понять. Откуда же ему знать-то! Он и не знал. Поэтому и стал ухаживать за другой.

Васнецова понимала, что подруга права. И знала за собой это дурацкое качество — влюбиться и придумывать отношения. Самое интересное, что она всегда проводила параллели с художественной литературой. «Эта девушка — ну точно как Скарлетт из «Унесенных ветром»! А ее спутник — один в один такой, каким был бы пожилой президент Кеннеди», — на-